

Subject:

ФЕРНАН МЕНДЕС ПИНТО->СТРАНСТВИЯ->ГЛАВЫ 81-130

Восточная Литература

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Главная А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Э Ю
Я Документы

ФЕРНАН МЕНДЕС ПИНТО

СТРАНСТВИЯ

ГЛАВА LXXXI

Как мы прибыли в селение, где находился этот странноприимный дом, и что там с нами произошло

Было, верно, уже час ночи, когда мы прибыли в небольшую деревушку, где находился этот дом. Мы немедленно направились туда и нашли там четырех мужчин, содержавших его, которые встретили нас весьма гостеприимно.

Утром, когда мы встали, они спросили, кто мы такие и каким образом оказались в таком положении. На это мы ответили, что мы чужестранцы, уроженцы королевства Сиам, а шли из Лиампо на рыбные промыслы под Нанкином, но две недели назад попали в бурю, судно наше потерпело крушение, и из всех людей спаслись только эти голые и покрытые язвами несчастные, которых они видят перед собой. Тогда они спросили нас, что мы собираемся делать и куда думаем направиться. Мы ответили, что хотим идти в Нанкин, чтобы наняться гребцами на лантеа и спуститься оттуда в Кантон или Конхай, где наши соплеменники с разрешения пекинского айтау ²⁰² занимаются торговлей под верховным покровительством Сына Солнца, Венценосного Льва, Восседающего на Престоле Вселенной. А посему мы умоляем их, из любви к всевышнему, разрешить нам пробыть в этом доме еще некоторое время, покуда мы не поправимся и не наберемся сил, чтобы выдержать предстоящий нам путь, а также просим дать нам какую-нибудь одежду, чтобы прикрыть свою наготу. Все четверо ответили нам:

— Милосердие требовало бы дать вам то, что вы так жалостливо просите,— одежду для вашей наготы. Но дом наш сейчас так беден, что выполнить это у нас нет возможности. Однако мы с большой охотой сделаем все то, что в наших силах.

С этими словами они провели нас нагими, как мы были, по всей деревне, в которой было не более сорока или пятидесяти дворов, и, поскольку мы могли судить, всё очень бедных людей, живших своих трудом. Милостыней нам собрали два таэля деньгами, полмешка рису, немного муки, бобов и луку, а также немного старого платья, которым мы кое-как прикрылись. Из денег, отпускаемых на питание паломников, они выдали нам, кроме

этого, два таэля серебром, но жить у себя дольше не дали, сказав, что бедным положено здесь оставаться от трех до пяти суток и исключение допускается лишь для больных мужчин и беременных женщин, поскольку невозможность передвигаться всегда принималась у них во **[238]** внимание; нарушить же это правило они ни под каким видом не могут, ибо установлено оно было еще в древние времена мужами учеными и набожными. Но что в трех легуа от них, в большом селении под названием Салейжакау, имеется весьма богатый дом, где призревают всякого рода неимущих и где нас будут лечить много лучше, чем в этом доме, который невелик и беден, как и деревушка, в которой он находится, а в тот дом они дадут нам подписанное членами братства ²⁰³ рекомендательное письмо, благодаря которому мы будем немедленно приняты.

За это мы их очень поблагодарили, сказав, чтобы они сделали это из любви к всевышнему. На что один из четверых, старик, ответил:

— Лишь ради любви к всевышнему делаем мы это, а не ради чего-либо мирского, ибо божеское и мирское — вещи весьма различные, это явствует и из самих дел, и из тех побуждений, ради которых они совершаются. Мир никогда не дает человеку чего-либо ценного, ибо мир сей беден и скуден, а бог весьма богат и дружит с бедняками, которые смиренно и терпеливо возносят ему хвалу среди тягот своей нужды; мир мстителен, а бог — долготерпелив; мир испорчен, а бог весьма хорош; мир прожорлив, а бог воздержан; мир бунтует и готов роптать, бог миролюбив и терпеливо выносит страдания; мир лжив и обманчив с теми, кто предан ему; бог правдив и чист, ласков и благостен ко всем, кто сосредоточен в своей молитве; мир предан чувственности и скуп, бог щедр и ясным светом своим превосходит солнце, звезды и другие светила, которые вечно присутствуют перед его лучезарным ликом и намного превосходят те, что мы видим здесь. Мир исполнен изменчивых мнений и опьянен лживым фимиамом тщеславия; бог безгрешен и никогда не отступает от истины, для того чтобы все смиренные и чистые сердца обрели через него славу вечную; мир безумен и невежествен, бог являет собою чистое познание истины во всей ее полноте. А посему, друзья мои, хоть вы и очутились сегодня в теперешнем вашем состоянии, верьте обещаниям всевышнего и не отчаивайтесь, ибо говорю вам, что, если только вы не заслужите его гнева, он не обманет вас, ибо он всегда остается верен себе, хотя есть в этом мире люди слепые, не верящие в это, ибо горести, в которые непрерывно ввергает их жалкая нужда, сломили их дух, а мир окружил их своим презрением.

После этого он вручил нам рекомендательное письмо в странноприимный дом, и мы пустились в путь незадолго до полудня и добрались до селения за час или за два до **[239]** захода солнца. Мы сразу же направились в дом отдохновения для бедных — таково название, которое дают такому учреждению китайцы, хотя я, чтобы быть понятным, и предпочитаю называть этот дом странноприимным, как это заведено у нас. Мы вручили данное нам письмо танигорам ²⁰⁴ братства, которые как раз собрались все вместе за столом, разбирая нужды бедняков; они приняли его с новыми проявлениями учтивости и велели писцу прочесть его вслух. Последний встал и звучным голосом прочел всем собравшимся нижеследующее:

«Мы, беднейшие из бедных, недостойные служить господу нашему, творения которого столь же чудесны, сколь и светила небесные, свидетельствующие о славе его в самой глубокой ночи, избранные предшественниками нашими управлять домом Буатендо, расположенным в селении Катишорау, обращаемся со всей почтительностью и благоговением к вашим смиренным личностям, допущенным до служения господу, поелику милосердные заботы ваши направлены на неимущих, и просим приютить и оказать возможное содействие сим четырнадцати чужеземцам, трем смуглым и одиннадцати более светлым, обнаженная плоть и великая бедность которых дадут вам возможность воочию убедиться, сколь основательна настоящая наша просьба в отношении этих лиц, потерпевших кораблекрушение и потерявших свое достояние в свирепых волнах морских, каковые с присущей им неистовостью осуществили на них

веление всемогущего, справедливая десница которого часто является грозной, чтобы каждый воочию мог убедиться, как велик должен быть страх перед его судом, от коего да избавит он нас всех в смертный час, дабы не довелось нам видеть разгневанный лик его».

Когда письмо это было прочитано, нас велено было тотчас поместить в очень чистый дом, и котором стояло четырнадцать хорошо постланных кроватей и большой стол, окруженный стульями, на который нам поставили отличную еду.

На другое утро к нам явился писец и, по приказанию танигоров, спросил нас, кто мы такие, какого племени, где потерпели крушение, равно как и все остальное. На все эти вопросы мы ответили то же, что говорили и раньше, дабы нельзя было нас уличить во лжи. Затем он спросил нас, что мы собираемся делать, и мы сказали, что хотели бы остаться в этом доме, если нам это разрешат, пока не излечимся, ибо все мы сейчас очень больны и не в силах передвигаться. **[240]** Нам ответили, что нам охотно разрешат это, ибо их странноприимный дом и служит богу тем, что дает приют таким людям, как мы. Мы поблагодарили его со слезами на глазах, и внешние проявления нашей признательности оказались столь убедительными, что и у писца навернулись слезы.

Он велел немедленно прислать к нам врача и наказал ему лечить нас как можно лучше, ибо мы настолько бедны, что у нас нет ничего, кроме того, что даст нам дом. Тем временем он занес наши имена в книгу, в которой мы все расписались, и сказал нам, что это необходимо для того, чтобы отчитываться в потраченных на нас средствах.

ГЛАВА LXXXII

Как мы покинули селение Салейжакау и о том, что с нами случилось после ухода оттуда

После того как мы провели восемнадцать дней в этом странноприимном доме, получая в большом количестве все то, что нам было необходимо, угодно было господу нашему, чтобы мы совершенно выздоровели. Почувствовав в себе силы для продолжения нашего пути, мы отправились в селение под названном Сузоагане, находившееся в пяти легуа от Салейжакау, куда и прибыли после захода солнца.

Так как мы очень устали, мы присели у источника, расположенного у входа в деревню, и просидели там некоторое время в смущении и нерешительности, не зная, каким путем нам следовать дальше. Те, кто приходил за водой, увидев нас, останавливались, не решаясь подойти к нам ближе; многие так и ушли с пустыми кувшинами и подняли тревогу среди местных жителей.

Чуть ли не вся деревня вышла с великой поспешностью посмотреть на нас. Весьма удивленные нашей наружностью, ибо никогда еще им не приходилось видеть похожих на нас людей, крестьяне собрались в кучу и стали совещаться. Потом, после долгих пререканий, так как мнения их разделились, они послали очень ветхую старуху спросить у нас, кто мы такие и что мы делаем, сидя у источника, воду из которого они пьют.

Мы ответили, что мы бедные чужестранцы, уроженцы королевства Сиам, что потерпели крушение в море во время жестокой бури и господь спас нас от гибели, но оставил в том **[241]** положении, в котором они нас теперь видят. На это она сказала:

— Что же вы от нас хотите и что намереваетесь делать? Ведь здесь нет странноприимного дома для бедных, где мы смогли бы вас приютить.

На что один из наших со слезами на глазах и всеми внешними признаками смирения, долженствовавшими послужить нам на пользу, ответил, что всевышний, по великой милости, не лишит нас своей защиты, размягчит их сердца и побудит их пожалеть нашу

бедность, а что намерены мы идти в город Нанкин, чтобы там, нанявшись гребцами на купеческие лантеа, следующие в Кантон, добраться до порта Конхай, где было множество джонок из нашей земли, на которых мы сможем вернуться на родину.

На это она ответила:

— Теперь, когда я знаю, кто вы такие, я пойду поговорю со своими людьми и узнаю, что они решат.

И, вернувшись к своим, которых к этому времени набралось уже больше сотни, долго спорила с ними, после чего снова подошла к нам с каким-то их священником, облаченным в очень длинную накидку из фиолетового штофа, каковая, говорят, является у них признаком самого высокого сана; у человека этого в руках был пучок пшеничных колосьев. Приблизившись к источнику, он подозвал нас к себе, и мы немедленно подчинились со всеми должными выражениями почтительности, на которые он обратил мало внимания, ибо видел в нас только бедных.

Тут он бросил в воду колосья, которые держал в руке, и велел нам прикоснуться к ним рукой, что мы и сделали, ибо нам показалось, что так именно надо поступить, если мы желаем показать, что хотим установить между ими и нами мир и согласие. Когда мы положили руки на колосья, священнослужитель сказал нам:

— Поклянитесь передо мной святой клятвой на двух священных веществах — воде и хлебе, кои небесный создатель всего сущего сотворил для питания земнородных в их житейских странствиях, и подтвердите, что все, сказанное вами этой женщине, истинная правда. Ибо, если это действительно так, мы окажем вам гостеприимство, как повелевает милосердие, которое, по законам разума, надлежит проявлять к божьим нищим. Но если вы сказали ей неправду, предупреждаю вас и объявляю вам, что вы должны немедленно покинуть эти места, иначе вы будете покусаны и растерзаны в пасти прожорливой змеи бездонной бездны Обители Дыма. [242]

На это мы ответили ему, что все сказанное нами сущая правда и мы ни в чем не отступили от истины. Ответ наш удовлетворил его, и он сказал:

— Теперь, когда я знаю, что вы не исказили истины, идите со мной и не бойтесь, ибо порукой вам будет моя правда.

И, направившись к своим, сказал, что они могут подать нам милостыню, ибо он это им разрешает. Они же взяли нас с собой в селение и поместили под навесом своей пагоды, куда вскоре доставили еду и две циновки, на которых мы улеглись.

Когда наступило утро, мы пошли от дома к дому просить милостыню и собрали таким образом четыре таэля серебром, каковые деньги были потрачены на удовлетворение некоторых насущнейших наших нужд.

Отсюда мы пошли в другое селение, под названием Шиангуле, находившееся в двух милях, с намерением, перебираясь таким образом, добраться до города Нанкина, от которого нас отделяло еще сто сорок легуа. Нам казалось, что оттуда мы сможем отправиться в Кантон, где в это время наши суда занимались торговлей, если обстоятельства им в этом не препятствовали.

В Шиангуле мы прибыли, когда уже смеркалось, и решили отдохнуть под сенью дерева, находившегося на некотором расстоянии от деревни. Там мы увидели трех пастушков, стерегших стадо. При виде нас они тотчас бросились наутек, вопя:

— Разбойники! Разбойники!

На крики немедленно высыпали жители села, вооруженные самострелами и пиками, и начали кричать:

— Navacarangee! Navacarangee! — что значит: «Держи вора! Держи вора!»

Они погнались за нами, так как мы бросились бежать, и отделали нас камнями и палками так, что поранили всех, а одного из трех наших, мосо настолько тяжело, что он умер. Они забрали нас и, связав руки за спиной, отвели пленными в село. Там, угостив нас оплеухами и затрещинами, они бросили нас в водоем, где было по пояс воды и где кишели бесчисленные пиявки. Там нас продержали двое суток, показавшихся нам целой сотней лет адских мук. За все это время у нас не было ни минуты покоя от пиявок и нас ни разу не покормили.

Через два дня в село прибыл человек из Сузоагане, откуда мы пришли, и тот, узнав, что они с нами сделали, поклялся им великими клятвами, что мы отнюдь не разбойники, за которых они нас приняли, а чужеземцы, потерпевшие [243] крушение в море, и они совершили великий грех, схватив нас и подвергнув такому наказанию. И угодно было господу нашему, чтобы, поверив словам этого человека, они вытащили нас из водоема, мы вышли, обливаясь кровью, словно водой, из-за пиявок, высосавших из нас ее столько, что, пробудь мы там еще сутки, мы, без малейшего сомнения, испустили бы дух.

Из этого села мы вышли уже на закате и в тяжелой обиде оплакивали в пути наши злоключения.

ГЛАВА LXXXIII

Как мы прибыли в поместье к одному знатному человеку, страдавшему тяжелой болезнью, и какое у нас было с ним свидание

По дороге из селения Шиангуле мы встретили несколько бедных лачуг, где трое мужчин трепали лен. Увидев нас, они побросали все, кинулись в сосновый бор, находившийся рядом на пригорке, и оттуда стали кричать прохожим, чтобы они держались от нас подальше, так как мы разбойники.

Опасаясь, как бы с нами не повторилось то же, что мы уже испытали (ибо дела принимали, по-видимому, угрожающий оборот), мы постарались возможно скорее выйти из деревушки, хотя ночь почти наступила, и пошли дальше, не зная в точности, куда мы идем. И так вот в великом огорчении, ибо не были уверены в дороге, прибыли мы в глубокой тьме под проливным дождем к каким-то хлевам, где расположились на нескольких кучках навоза, пока не рассвело, после чего отправились разыскивать оставленную нами дорогу.

Когда солнце уже взошло, с вершины холма мы увидели долину, покрытую высокими деревьями, и посреди нее, на берегу реки, несколько великолепных домов с множеством башен, на которых были шпили с золотыми флюгерами. Дойдя до них с именем Иисуса на устах, мы уселись на окраине водоема, расположенного у входа в усадьбу, ибо до сих пор не встретили еще живой души.

Так провели мы часть дня в великой нерешительности, ибо не знали, как нам поступить, пока внимание наше не привлек юноша семнадцати — восемнадцати лет. Он ехал на лошади, а за ним следовало четверо пеших, один из которых нес двух зайцев, а другие — пять птиц, похожих на фазанов, и [244] ястреба на руке. Позади их бежала свора из шести или семи собак.

Подъехав к нам, юноша придержал своего коня и спросил, кто мы такие и чего желаем, и мы довольно пространно рассказали ему о нашем крушении. Он, насколько можно было

судить по его выражению лица, почувствовал к нам сострадание и, входя во двор, сказал:

— Подождите, сейчас я пришлю вам кое-кого, в ком вы нуждаетесь, а сделано это будет из любви к тому, кто в славе великого богатства царствует на высочайшем из всех небес.

Вскоре он выслал к нам старуху в длинной одежде, с четками на шее, такого вида, как у нас бывают святоши, и она сказала:

— Сын того, кто здесь хозяин и поддерживает жизнь нашу рисом, велел вас позвать. Идите за мной смиренно, да не покажется тем, кто вас увидит, что вы предпочитаете жить подаянием, а не трудом.

С ней вместе мы прошли во второй двор, много более роскошный, чем первый, окруженный со всех сторон двухъярусными галереями вроде тех, что бывают у нас в монастырях; были они изукрашены картинами охот, в которых участвовали женщины на конях, держащие на руке ястребов. В передней части этого двора, где находилась лестница, по которой поднимались в покои, была весьма богато изукрашенная большая каменная арка, с середины которой свешивался наподобие хоругви щит с гербом на серебряной цепи ²⁰⁵. На нем посредине круга был изображен человек, похожий на черепаху, ногами вверх и головой вниз. На щите была надпись: «*Ingualec finguaui potim aguagau*», что значило: «Все то, что во мне, таково».

Чудовище это, как мне объяснили, должно было означать наш мир, который китайцы изображают вверх ногами, дабы показать, что все в нем обманчиво, и разубедить тех, кто выше всего ценит мирские блага, и этот мир говорит им: «Все то, что во мне, таково», — как если бы он этим хотел сказать — всё вверх тормашками — ноги наверху, а голова внизу.

Оттуда мы поднялись по очень широкой лестнице из хорошо обработанного камня и вошли в большой дом, где находилась женщина по виду лет пятидесяти; она сидела на возвышении, а по обе стороны от нее сидели две красивые девушки и богатых одеяниях и с ожерельями из жемчуга на шее. Между ними находилось ложе, на котором покоился **[245]** мужчина преклонных лет. Одна из девушек обмахивала его веером, юноша, который велел нас позвать, стоял подле него. Рядом с возвышением сидели девять девушек, одетых в красный и белый штоф, и вышивали на пяльцах.

Как только мы подошли к возвышению, где лежал старик, мы опустились на колени и приготовились просить подаяния. Перед тем как начать говорить, мы пустили слезу, и едва успели произнести два или три слова, наиболее подходящие к данному случаю и нашему положению, как старуха прервала нас движением руки:

— Хватит, хватит, мне больно видеть, как вы плачете, и я уже догадываюсь, что вы попросите милостыни.

После этого с нами заговорил лежавший на ложе старик и спросил, нет ли среди нас человека, способного излечивать лихорадку. На что опаживавшая его девушка, которая оказалась его дочерью, улыбнувшись матери, сказала отцу:

— Поистине, государь мой, более срочное дело велеть излечить этих людей от голода, который они испытывают, нежели расспрашивать их о том, сведущи ли они во врачевании, коему, весьма возможно, их никогда не обучали. А посему не лучше ли удовлетворить их самые насущные нужды и лишь потом говорить о менее важном?

Слова эти вызвали неудовольствие матери:

— Вот сорока! И всегда-то готова вмешаться в разговор, когда ее не просят! Уж я как-нибудь заставлю тебя бросить эту привычку!

Девушка возразила с улыбкой:

— Пусть ваша милость заставит их лучше забыть о голоде. Ибо свои дурные привычки я бросаю всякий, раз, как это бывает вам угодно.

Но старик, как человек, которому наскучила его болезнь, не хотел уняться и стал расспрашивать нас, кто мы такие, из какой страны, куда держим путь и тому подобное. Мы отвечали ему так, как это нам было нужно, объяснили ему, как и где потерпели крушение, сколько народу при этом утонуло и что мы бредем теперь, словно потерянные, не в состоянии ни в чем разобраться.

На это он, подумав немного, сказал своему сыну:

— Каково твое мнение о том, что ты услышал сейчас из уст этих чужестранцев? Прошу тебя, запечатали это в своей памяти, чтобы ты мог познать и оценить милость божью и возблагодарить его за отца, которого он тебе дал и который, чтобы избавить тебя от подобных бед и многих других, коими изобилует мир, своею жизнью и знанием приобрел для [246] тебя три самых драгоценных сокровища, которые имеются в этом крае, из коих наименее дорогое стоит более ста тысяч таэлей. Но ты из тех, кто предпочтет всему этому подстрелить зайца!

На это молодой человек ничего не ответил, а только улыбнулся сестрам.

Между тем хозяин приказал принести еду и велел нам есть в своем присутствии, что мы и сделали с величайшей готовностью, а он, как человек больной и потерявший вкус к пище, выражал своим видом, как радостно ему видеть у нас такую охоту к еде. Но наибольшее удовольствие от этого зрелища получили обе сестры, ибо все время, пока мы ели, они обменивались шутками и остротами с братом, видя, что мы едим руками. Дело в том, что во всей Китайской империи не существует обычая есть руками, как у нас, а с помощью двух палочек, напоминающих веретена.

После еды мы произнесли благодарственную молитву, на что старик обратил особенное внимание и, воздев руки к небу и с глазами, полными слез, сказал:

— Тебе, господи, живущему в покое своей великой мудрости, воздаю я хвалу в смирении сердца моего за то, что позволяешь, чтобы чужеземцы, рожденные на краю света и незнакомые с твоим учением, по мере своих слабых сил воздавали тебе благодарность и хвалу, которые ты, по великой милости своей, воспримешь как богатое музыкальное приношение, сладостно звучащее в твоих ушах.

После этого он велел выдать нам три штуки льняной ткани и четыре таэля серебром и пригласил провести эту ночь под его кровом, ибо было уже слишком поздно, чтобы пускаться в путь. Все это мы приняли с благодарностью, выразив ее на китайский лад, что доставило ему видимое удовлетворение и чему были очень рады его жена и дочери.

ГЛАВА LXXXIV

Как мы отправились оттуда в поселок Тайпор и как нас там посадили в тюрьму

На следующий день, когда наступило утро, мы распрощались с нашим хозяином и тронулись в путь. Мы дошли до селения Финжинилау ²⁰⁶, в четырех легуа от его имения, и остановились там на три дня. Затем, переходя из селения в [247] селение и из деревни в деревню, мы продолжали наши странствия, стараясь неизменно обходить города и крупные поселки из боязни попасть за бродяжничество в руки полиции. Так шли мы два месяца, и никто не останавливал нас. За это время мы, без сомнения, могли бы дойти и до Нанкина, будь у нас проводник. Но дороги мы не знали и часто уклонялись в сторону, тратили понапрасну силы и подвергали себя всяческим опасностям.

Наконец мы прибыли в небольшое селение под названием Наутир, где в то время происходили пышные и дорогие похороны по местному обряду для упокоения души одной весьма богатой женщины, которая, лишив всех своих родичей наследства, завещала его пагоде ²⁰⁷ того селения, где ее должны были похоронить. Так как мы были бедняками, нас пригласили принять участие в поминальной трапезе на ее могиле, как это принято в здешних краях. После того как мы пробыли там три дня — все время, пока длились похороны, нам дали на дорогу шесть таэлей и наказали; чтобы, обращаясь к богу, мы всякий раз молились за упокой души усопшей.

Из этого селения мы перешли в другое, под названием, Гинапалир, и, продолжая блуждать из края в край еще без малого два месяца, прибыли наконец в поселок под названием Тайпор, где, за грехи наши, предстояло нам встретиться с шумбином ²⁰⁸, судебным инспектором, который каждые три года объезжает судебные округа страны и инспектирует судей и судебных исполнителей. Последний, видя, как мы собираем подаяние, позвал нас из окна, из которого смотрел на улицу, и в присутствии всех писцов и множества другого люда, собравшегося по этому поводу, стал допрашивать нас, кто мы такие, из какой страны и как мы оказались в подобном положении.

На это мы ответили, что мы чужеземцы, уроженцы королевства Сиам и, потерпев крушение во время бури, вынуждены теперь ходить от дома к дому, прося милостыню, чтобы на подаяние добрых людей поддержать свою жизнь, пока мы не доберемся до Нанкина, куда мы держим путь с намерением сесть на лантеа купцов, направляющихся в Кантон, где мы сможем пересечь на идущее на родину судно.

Получив этот ответ, он велел нас отпустить, но в дело вмешался один из писцов, заявил, что мы лодыри и бродяги, всю жизнь шатающиеся от двери к двери и питающиеся незаслуженным подаянием, а посему на основании закона, изданного на этот предмет и содержащегося в седьмой из двенадцати книг свода законов, подлежим заключению. Поэтому **[248]** отпускать нас ни в коем случае не следует, ибо несоблюдение этого вполне ясно выраженного закона грозит суровым наказанием инспектору по возвращении его на место службы. А посему он советует ему как добрый слуга посадить нас в надежное место, чтобы мы куда-нибудь не скрылись, что шумбин и велел немедленно привести в исполнение с бесчеловечной жестокостью, которую только и можно было ожидать от такого безбожного язычника.

И, составив тут же с великим пристрастием протоколы допросов лжесвидетелей, обвинявших нас в самых низких и преступных деяниях, как это обычно делается, велел посадить нас в тюрьму, где почти не кормили, и заковать в кандалы, наручники и ошейники. Так, страдая от побоев и голода, промучились мы двадцать шесть дней, после чего на основании его доклада были переданы в ведение нанкинского шаэна, ибо шумбину не дано было права выносить кому-либо смертный приговор.

ГЛАВА LXXXV

Как из поселка Тайпор мы были доставлены в город Нанкин и что с нами там произошло

В этой жестокой и голодной тюрьме мы, как было уже сказано, провели двадцать шесть дней, которые показались нам двадцатью шестью тысячами лет, ибо мы ясно видели, что нас ожидает неминуемая смерть, каковая и постигла одного из наших товарищей, Жоана Родригеса Браво, который умер, съеденный вшами, причем мы ничем не могли ему помочь, ибо и мы подобной казни избежали только чудом.

Из тюрьмы нас вывели однажды утром и, не сняв с нас кандалов, наручников и ошейников, несмотря на то что к этому времени мы так ослабели, что едва были в состоянии говорить, связали нас общей цепью и посадили на судно вместе с другими

тридцатью или сорока заключенными, совершившими серьезные преступления и по апелляции пересылавшимися в Нанкин.

Последний, как я уже говорил,— второй по значению город Китая. В нем постоянно пребывает один из верховных судей — шаэн; это высшее должностное лицо в государстве, своего рода вице-король; там же находится верховный суд из ста двадцати жероземо и ферукуа, иначе говоря, высших судейских чиновников, судей и докладчиков по всем **[249]** гражданским и уголовным делам, причем ни пересмотры дел, ни апелляции, ни опротестование не могут совершаться через другой трибунал, кроме того, который имеет власть даже над самим государем ²⁰⁹ и взывать к которому все равно что взывать к небу.

И чтобы все это стало ясней, следует знать, что как этот трибунал, так и другие подобные, имеющиеся в государстве в наиболее крупных городах, получили от короля власть окончательного решения как в гражданских, так и в уголовных делах, но в особо тяжелых или важных случаях существует апелляция на имя государя, что, по здешним обычаям, называется «обращаться в суд создателя всего сущего». В этом суде заседает двадцать четыре менигрепо, называемых «мужами строгой жизни», в некоторой степени сходных с монахами ордена капуцинов, от которых, будь они христианами, по суровости жизни, которую они ведут, и по тому, как они умерщвляют свою плоть, можно было бы многое ожидать. Последние становятся судьями лишь по достижении семидесяти, лет, а то и старше, притом только с разрешения своих прелатов, от которых зависит их распределение. Обо всех делах, поступающих к менигрепо по апелляции, они судят с такой честностью и прямотой, что большей беспристрастности не бывает, ибо, даже тогда, когда им приходится выступать против самого государя или лиц, пользующихся самым высоким покровительством, которое только можно себе представить, ничто на свете не может заставить их хоть в малейшей степени изменить решение ²¹⁰, которое они считают справедливым.

Ближайшую ночь, после того как мы описанным выше образом были посажены на судно, мы провели в большом поселке под названием Потинлеу, куда мы прибыли, когда уже смеркалось. В тюрьме мы провели следующие девять дней, так как из-за новолуния все время шли проливные дожди. В этой тюрьме угодно было господу нашему свести нас с одним заключенным немцем, который проявил к нам великую доброжелательность. На наши вопросы по-китайски (ибо объяснялись мы с ним на этом языке), откуда он родом и как попал сюда, он ответил, что он уроженец города Хикеженс в Московии ²¹¹ и находится в тюрьме уже пять лет за убийство одного человека, осужден же на бессрочное заключение. Но, будучи иностранцем, он подал жалобу в трибунал батанпинского айтау ²¹² в городе Пекине, который является главным адмиралом над тридцатью двумя адмиралами тридцати двух королевств, входящих в эту империю, каковому адмиралу в **[250]** частном порядке подсудны все иностранцы и иноземные купцы; от него он надеется добиться освобождения, дабы умереть христианином среди христиан.

После того как мы провели девять дней в этой тюрьме, нас снова посадили на судно, и мы пошли вверх по течению очень большой реки. Через неделю мы оказались в Нанкине, который, кроме того что является вторым по значению городом в этом государстве, еще и столица трех королевств: Лиампо, Фанжуса и Сумбора ²¹³. В тамошней тюрьме мы оставались полтора месяца в превеликих муках и нужде. А дошли мы до такой крайности, что прямо угасали на глазах друг у друга из-за отсутствия какой-либо помощи, и ничего не оставалось нам иного, как обливаться слезами и взирать на небо, ибо в первую же ночь нас начисто обобрали, не оставив на нас даже рубашки. Дело в том, что тюрьма эта была очень большая и в ней было так много народу (как нам сказали — больше четырех тысяч), что человеку буквально не было куда голову приклонить, не ставши тотчас жертвой воров и добычей вшей.

По прошествии полутора месяцев аншаси, один из двух судей по нашему делу, ведению которого подлежали подобные дела, вынес по требованию обвинителя постановление, гласившее, что он, рассмотрев направленное ему тайпорским шумбином дело по обвинению нас в различных преступных деяниях, подтвержденных уличающими нас показаниями свидетелей, поскольку опровержения, представленные нами в собственное оправдание, не заслуживают веры, а посему, согласно закону, не могут быть приняты во внимание, присуждает нас к публичному наказанию плетьюми по ягодицам, дабы последнее послужило нам для исправления наших нравов, а кроме того, к отсечению больших пальцев обеих рук, с помощью коих по явным подозрениям мы совершали кражи и другие тяжкие злодеяния, за которые верховный судья, царящий на небе, покарает властью своего справедливого суда в последний день нашей жизни. А для вынесения нам более сурового приговора, который мы заслужили, он обращается в трибунал батанпинского айтау, верховному ведению которого наше дело подлежит.

Приговор этот был нам прочитан в тюрьме, где мы умерли бы и без ужасной и жестокой порки, которой нас подвергли и после которой мы обливались кровью так, что залили ею весь пол. Из подвергнутых этой казни чудом спаслось девять человек из одиннадцати, двое же других и еще один мосо умерли, не протянув после нее и трех дней. [251]

ГЛАВА LXXXVI

О милосердии, с которым нас вылечили в этой тюрьме, и о том, что с нами далее случилось

После того как нас выпороли так, как я уже сказал, нас перевели в дом, находившийся за тюремной оградой и служивший лазаретом. В нем лежало много больных и раненых, кто на койках, а кто на полу. Там нас сразу стали лечить всяческими составами и жидкостями, которые выжимали нам на раны и прикладывали к ним, чем несколько смягчена была боль, причиненная ударами. Лечили нас уважаемые люди, похожие на наших братьев милосердия, которые из любви к всевышнему работают здесь месяц-другой, проявляют большое сострадание к больным и снабжают их всем, что им нужно, причем весьма чистым и в более чем достаточном количестве.

Когда шел двенадцатый день нашего пребывания здесь и мы чувствовали себя уже несколько лучше, хотя нас угнетала жестокость вынесенного нам приговора, по которому нам предстояло еще лишиться пальцев, угодно было богу, чтобы в это утро посетили нашу тюрьму два человека, державших в руках белые жезлы наподобие скипетров и одетых в весьма длинные одежды из фиолетового атласа. Едва они вошли, все больные воскликнули громким голосом:

— Pitau hinacur macuto chendoo! — что значит: «Во имя господа да входят исполнители воли его!»

На что последние, воздев свои жезлы, ответили:

— А вам всем да дарует господь терпение в ваших муках и невзгодах.

Посетители, раздавая деньги и одежду тем, кто был ближе к ним, дошли и до нас и, вежливо поприветствовав нас и выказав явное сострадание к нашим слезам, осведомились, кто мы такие, из каких мест или какого народа и за что попали в тюрьму.

На это мы ответили, заливаясь слезами, что мы чужеземцы, уроженцы королевства Сиам и происходим из края, называемого Малаккой; что сами мы купцы, и притом состоятельные, прибывшие со своими товарами в порт Лиампо; что мы потерпели кораблекрушение у островов Ламау и в этом крушении потеряли все, что имели, за исключением собственной жалкой плоти, которая у них теперь перед глазами; что, прибыв в селение под названном Тайпор, возбудили подозрение шумбина, который велел

ни за что ни про что взять нас под стражу как бродяг и воров, ходящих от дома к дому, попрошайничающих, чтобы не работать, и незаконно [252] питающихся подаваемой милостыней. Шумбин, состряпав на нас дело, заковал нас в железа и отправил в эту тюрьму, где мы томимся уже сорок два дня, терзаемые болезнью и голодом, причем никто не хочет нас выслушать, так как мы никому не можем дать взятки и не в состоянии как следует объясниться; ведь нас, несмотря на нашу безвинность, присудили как воров к наказанию плетьюми и к отсечению пальцев: первое наказание мы уже понесли, причем били нас так жестоко и с таким мучительством, что и сейчас видны на наших жалких телах следы, которые легко можно разглядеть. А посему мы умоляем их, поскольку они служат богу, не оставить нас своею милостью, ибо все презирают нас по бедности нашей и беспрестанно нас оскорбляют.

Оба эти человека внимательно выслушали нас и после нескольких мгновений раздумья, преклонив колени и обратив к небу влажные от слез глаза, произнесли:

— Великий и долготерпеливый царь небесный, согласившийся на то, чтобы вопли тех, кто бессилен, громом звучали в ушах твоих, дабы не остались без кары тяжкие оскорбления, кои творящие у нас правосудие непрестанно тебе наносят, за что, верим, ибо вере этой научил нас твой святой закон, ты покараешь их рано или поздно.

И, расспросив окружающих о том, что мы им сказали, велели немедленно же призвать писца, у которого находилось наше дело, дабы он, под страхом тяжкого наказания, изложил им все, что было в нем записано. Последний явился незамедлительно и доложил им обо всех обстоятельствах и о том, каким образом могла совершиться такая несправедливость. Последние, видя, что от полученных нами ударов избавить нас уже было поздно, постарались, по крайней мере, не дать отрубить нам пальцы, о чем написали прошение о помиловании шаэну, на которое им было отвечено через соответствующую инстанцию.

«Не может быть помилования там, где правосудие теряет свое имя, а посему в просимом отказать».

Под этим постановлением расписались шаэн и восемь коншаси ²¹⁴, иначе говоря, судей по уголовным делам.

Когда эти двое защитников бедных во славу божью (ибо таково их служебное наименование) увидели неудачу своих хлопот, они, желая избавить нас от этого позорного наказания, тут же составили новое прошение, которое направили в трибунал под названием Шинфау никор питау, иначе говоря — «Покровительство создателя всего сущего», где мы, признавая себя повинными в преступлении, которое было нам [253] приписано, просили о помиловании. Простение это было спешно доставлено в приказ, в котором заседают двадцать четыре талагрепо, представляющих собою духовных лиц, как наши капуцины, и пользующихся большим весом и уважением как у народа, так и у государя. Люди эти в целях проверки знакомятся со всеми делами неимущих и тех, которые вступают в тяжбу со слишком могущественными для них противниками.

Талагрепо, едва им подано было прошение, собрались по удару колокола вместе, ознакомились со всем ходом нашего дела с начала и до конца, прочли прошения и все прочее, что к нему относилось, и им стало ясно, что ни о каком правосудии в нашем случае не могло быть и речи, а пострадали мы из-за собственной беззащитности. Они тут же отправили двух своих помощников, снабженных грамотой за печатями на лентах, дабы объявить недействительным решение шаэна, поскольку дело переходило в их руки как в высшую инстанцию. Решение же объявлялось недействительным следующим постановлением:

«Суд силы Льва, Венчанного на Престоле Вселенной, по прошению двадцати четырех мужей строгой жизни разрешает передать по апелляции дело девятерых чужестранцев

на суд трибунала айтау всех айтау в городе Пекине, дабы милосердно было смягчено присужденное им наказание. Дано четвертой луны в седьмой день двадцать четвертого года правления Сына Солнца».

Под этим постановлением расписались шаэн и восемь коншалинов ²¹⁵ уголовного суда, являющихся как бы высшими судебскими чиновниками.

Постановление это нам было доставлено немедленно двумя защитниками неимущих, которые взяли за наше дело, сказав, что за все это их вознаградит всевышний. Нам они сказали:

— А вы, с помощью божьей, углубитесь в познание его дел, дабы терпеливо собирать плоды своих трудов, как те, кто страшится его имени.

ГЛАВЫ LXXXVII—CXXVIII

В этих главах повествуется, как по апелляции португальцы были переправлены в город Пекин и как перед отъездом двое защитников неимущих приходят к заключенным и по их просьбе дают им письмо к танигорам святого братства, где [254] просят последних оказать португальцам помощь. Как португальцы отправляются в город Нанкин. Где расположен Нанкин, о пяти реках, текущих из Татарии; о населении Нанкина, его домах, пагодах, тюрьмах, укреплениях. О том, что еще увидели португальцы и что случилось с ними, пока не прибыли они в город Покасер, а также о размерах пагоды, которую они там осмотрели.

О городе Шинлигау; башнях с сокровищами; о гробнице дяди короля Малакки; о гигантских изображениях мужчины и женщины — раздувателя адского пламени и привратницы ада. О том, как наказывают португальцев, которые смеются над истуканами.

Как португальцы прибыли в город под названием Сампитай и как встретили там христианскую женщину, у которой на руке был наколот крест. Об истории женщины — дочери португальского посла, впавшего в немилость у китайских властей. О христианской общине в Китае.

Откуда пошла Китайская империя. Легенда о ее происхождении и первых королях Китая. Об основании первых городов Китая и о некоторых достопримечательностях города Пекина, о строительстве Великой китайской стены. Об обычаях, торговле и ремеслах Китая.

Как португальцы прибыли в город Пекин, о тюрьме, в которую их поместили, и о судебном процессе. О прошении об отмене приговора португальцам и о штрафе, наложенном на прокурора и об отстранении его от должности за клевету. О важном и торжественном виде судей, и о церемониях, соблюдаемых в суде, и о «милосердии и справедливости» приговора (восьмимесячная ссылка на рудники).

Краткие сведения о городе Пекине. О том порядке, которого придерживаются на пирах в больших гостиницах. О пагодах и сектах Китая. Улицы, каналы, мосты, площади, ярмарки, магазины. О тюрьме в Шинангигалеу и о сроках заключения, о досрочном освобождении, о доступе вольных граждан в тюрьму. О доходах, на которые содержится пересыльная тюрьма.

О монастырях и монахах, о пирах, устраиваемых в новолуния, для которых простонародье приносит в дар огромное количество снеди, забираемой жрецами.

О том, как обеспечиваются все увечные и беспомощные (дома обучения бедных; кормилицы для подкидышей; обеспечение работой слепых и увечных; призрение неработоспособных; приюты для публичных женщин; дома для [255] девочек-сирот,

которых, когда они подрастают, город выдает замуж; содержание бедных, но порядочных людей за счет недобросовестных защитников и несправедливых судей).

Каким образом во всем государстве устроены житницы для бедных и о государе, который приказал их создать.

О количестве лиц, проживающих во дворцах богдыхана, а также о титулах высших сановников, управляющих государством, и о трех главенствующих в нем религиях.

Как португальцев отвезли в ссылку в Куанси и о несчастье, которое постигло их там вскоре после прибытия.

О том, как Пинто случайно встретил в этом городе португальца Калво и об истории его злоключений.

Как в Куанси проник татарский генерал со своим войском, о взятии Куанси, о неудачном приступе крепости Нишианко.

О хитрости, которую предложил Жорже Мендес, чтобы захватить крепость Нишианко, о приступе, который был предпринят, и об успехе последнего.

О пути до лагеря, который татарский хан разбил под Пекином, и о прибытии португальцев в ханскую ставку. (Прием у хана. Последний расспрашивает португальцев об их стране и приходит к выводу, что только алчность или нужда могут заставить людей искать счастья в столь удаленных от их родины краях.) Как татарский хан снял осаду с города Пекина и отправился в свои земли.

О предложении португальцам поступить на службу к хану, об их отказе и отъезде вместе с послом, направляемым в Каушеншину.

ГЛАВА СХХІХ

О том, что с нами произошло, после того как мы отбыли из Шолора и пока не прибили в то место, где находился король Каушеншины

Из города Шолора мы продолжали спускаться по большой реке ²¹⁶ еще пять суток, любясь все время многочисленными прекрасными селениями, расположившимися на ее берегах, ибо в этих местах почва уже много плодородней, а потому и страна более заселена и богата. По рекам все время снуют гребные суда, на полях растет пшеница и рис, встречаются различные весьма обширные плантации сахарного тростника, которым особенно изобилует эта страна. Люди **[256]** благородные одеваются здесь в шелк и разъезжают на конях с красной сбруей; женщины отличаются светлой кожей и красотой. Два канала и реку Вентинау мы прошли с большим трудом, подвергая себя большой опасности из-за обилия пиратов, и прибыли наконец в город Манакилеу ²¹⁷, расположенный у подножья Конхайских гор ²¹⁸ на границе Китая и Каушеншины, где послы были отлично приняты комендантом. Манакилеу они покинули на другой же день рано утром и остановились на ночевку в другом городе под названием Тинанкуаши, где решили навестить тетку короля, которая хорошо их приняла и сообщила, что король, ее племянник, уже вернулся с войны с тинокоухами ²¹⁹, весьма доволен победами, которые он там одержал, и добавила еще много всяких подробностей, которые им доставили большое удовольствие, особенно же когда она сообщила, что король, распустив свое войско, отправился почти без свиты в Фанаугрен ²²⁰, где уже месяц развлекается охотой и рыбной ловлей, а на зиму собирается вернуться в Узанге ²²¹, столицу Каушинской империи. Оба посла посоветовались и решили отправить все четыре судна в Узанге, а самим с небольшой свитой проследовать сушей в Фанаугрен, где, по их сведениям, находился король. Всё с одобрения принцессы, приказавшей дать каждому столько коней, сколько им понадобится для себя и для их людей, а также восемь носорогов для

перевозки багажа, было немедленно приведено в исполнение. Покинув через три дня Тинанкуаши и потратив на переход в восемьдесят шесть легуа тринадцать дней, за которые они испытали немало трудностей, ибо им пришлось преодолевать неприступные горы и проходить через обширные леса, они прибыли наконец в расположенную на берегу реки большую усадьбу под названием Тараудашит, где они и остановились на ночевку. На следующий день, когда рассвело, они отправились в городок Линдау-Пано и были хорошо приняты комендантом, родственником каушеншинского посла, который всего только пять дней, как прибыл из находившегося в пятнадцати легуа Фанаугрена, где пребывал король. Комендант этот, сообщив своему родственнику кое-какие придворные новости и сведения о войне, сказал ему также, что один из его зятьев умер, а жена покойного, дочь посла, немедленно сожгла себя ²²², чем очень утешила своих родственников, поскольку таким поступком доказала благородство своих чувств. Сам посол, отец покойной, был также в высшей степени этим доволен и сказал:

— Теперь, о дочь моя, когда я знаю, что ты святая и на небе служишь своему супругу, обещаю и клянусь тебе, что **[257]** за этот благородный поступок, которым ты доказала свое царственное происхождение, я прикажу в память твоей доблести воздвигнуть дворец столь славный, что ты пожелаешь спуститься в него из той обители, где ты ныне пребываешь, и поразвлечешься в нем, подобно тем душам, которые, по преданию, делали то же в древние времена.

И с этими словами он рухнул ниц и пролежал, прижавшись лицом к земле, до следующего дня, когда к нему пришли монахи этой земли и, всячески утешая его, говорили, что дочь его — святая, а посему он может заказать ее серебряное изваяние ²²³, они дают ему на это разрешение. Посла это весьма утешило, он горячо поблагодарил их, дал им денег и наделил последними всех тамошних бедных.

В этом месте мы задержались на девять дней, справляя поминки по его дочери, а потом двинулись дальше; в конце первого дня пути мы остановились в монастыре под названием Латипарау, что означает «Помощь бедным», в котором оба посла прожили три дня, ожидая известий от короля, которого они уже уведомили о своем приезде. Последний велел им явиться в селение, расположенное в трех легуа от монастыря и одной от Фанаугрена и называвшегося Ажимпур, куда он обещал послать за ними, когда понадобится.

ГЛАВА СXXX

О приеме, оказанном в Фанаугрене татарскому послу ²²⁴ королем Каушеншины

Получив от своего посла уведомление о том, что он везет с собой посла татарского хана, король на следующий же день отправил к нему в поселок Ажимпур, где тот остановился, своего шурина, брата супруги, принца весьма доблестного и богатого, по имени Пасилау Вакан. Последний прибыл в шестиколесной колеснице, обитой серебром, в которую было запряжено четыре белых коня в золотых сбруях; по обе стороны этой фиамбры — так ее называют в этой стране — шло шестьдесят человек пеших, построенных в две колонны. Одеты они были в зеленую кожу и держали на плечах мечи, ножны которых были покрыты золотом. Рядом с ними следовали двенадцать булавоносцев.

Вдоль этого строя пеших телохранителей справа и слева от него шествовало в таком же порядке множество других, с **[258]** алебардами, украшенными серебром, в халатах и шароварах из зеленого с черным шелка и с мечами на портупях почти на наш лад. Все они были здоровые воины с гордым и суровым выражением лиц и как внешностью своей, так и гордой осанкой и движениями, находившимися в полнейшем соответствии с их природной надменностью, вызывали немалый трепет. Впереди охраны, примерно в тридцати шагах, шло около восьмидесяти слонов с великолепными сбруями, креслами и башенками, отделанными серебром, боевыми мечами на клыках и большого размера колокольцами на шеях. Перед этими слонами, которые, как нам объяснили,

принадлежали к гвардии короля, ехали в прекрасных одеждах всадники с богатыми сбруями на конях. А в голове всего шествия двигалось двенадцать повозок под шелковыми наметами, где сидели музыканты с серебряными литаврами.

Когда принц таким образом торжественно прибыл к татарскому послу, который уже ожидал его, они обменялись принятыми здесь приветствиями и любезностями, что заняло примерно четверть часа, после чего принц уступил послу фиамбру, в которой приехал, а сам сел на коня по правую руку от него, а другой посол, приехавший с нами,— по левую. Прошествовав таким же порядком под грохот и звуки разнообразных музыкальных инструментов, они оказались у первого двора королевского дворца, где брокен, или начальник дворцовой охраны, ожидал их в обществе представителей знати. Конная стража, выстроенная в две шеренги, занимала двор во всю длину. После того как произошел новый обмен приветствиями и любезностями, все направились пешком ко дворцу, где встретил их пожилой мужчина, который, как нам сказали, был дядей короля, звался Вумисерау и имел свыше восьмидесяти лет от роду. Окружали старца вельможи и представители знати. После того как, выполняя новую церемонию, оба посла поцеловали меч, висевший на поясе у старца, на что последний, когда они простерлись перед ним в знак особой чести, возложил им руки на головы.

Дядя короля, обращаясь с татарским послом почти как с равным, поднял татарина с земли и провел его по очень длинному залу до двери, находившейся в противоположном конце. В ответ на троекратный стук послышался вопрос: кто пришедший и чего он хочет,— на что последовал ответ, что, по обычаю давнишней дружбы, к ним прибыл посол великого татарского Шинарау, дабы посетить Прешау Гимиана ²²⁵, коего все татары почитают хозяином голов их. После этого ответа обе створки дверей распахнулись, и шествие двинулось в **[259]** следующий зал. Впереди всех выступал принц, держа за руку татарского посла, немного позади них другой посол с начальником дворцовой охраны, а за ними уже вся их свита, по трое в ряд. Пройдя этот покой, в котором никого, кроме стоящих на коленях телохранителей с алебардами, не было, мы вошли в гораздо больший и более роскошный зал, называемый нагантилей, где увидели шестьдесят четыре бронзовых и девятнадцать серебряных статуй с железными цепями на шеях. Последнее вызвало наше удивление, и мы спросили, что это должно означать, тогда один из орепо, или священнослужитель, присутствовавший при этом, сказал нам, что поразившие нас изваяния суть восемьдесят три божества тинокоухов, которые были отобраны у последних в их большом храме королем Каушеншины, ибо то, что принесло королю всего больше славы и чем он особенно гордился, было торжество над божествами неприятеля, которых он взял в плен и привез сюда для вящего уничтожения. А когда мы спросили, почему на них цепи, нам ответили, что, когда король прибудет в столицу свою Узанге, куда он сейчас направляется, он прикажет волочить их на этих цепях по улицам в знак своей победы над ними.

Пройдя этот зал с истуканами, мы вошли в следующий, где увидели множество весьма красивых женщин, сидевших вдоль стен; одни из них были заняты рукодельем, другие играли на музыкальных инструментах и пели, зрелище это было очень приятно. В следующем зале, у входа в который стояли вместо привратников шесть женщин с серебряными булавами, находился сам король в окружении пожилых мужчин; их было немного, кроме них здесь были девушки, певшие под сопровождение музыкальных инструментов, на которых играли молодые женщины. Король восседал на возвышении, к которому вели восемь ступеней и которое напоминало алтарь, покрытый шатром, опирающимся на балясины. И шатер и балясины были все покрыты золотыми пластинками.

Вокруг шатра стояли на коленях шесть мальчиков, держащих в руках скипетры, а немного поодаль стояла женщина уже в летах, на шее у которой висели четки из крупных зерен, время от времени опахивавшая короля опахалом; последнему могло быть лет тридцать пять, он был красив, глаза имел большие, холеную русую бороду, лицо

суровое, черты значительные и внушающие нам мысль о величии государства и всего прочего, что он представлял.

Когда послы вошли в этот зал, они трижды простерлись перед королем; после третьего раза каушеншинский посол так и не поднялся с земли, а татарский подошел к **[260]** возвышению и, взойдя на первую его ступень, произнес громким голосом, так что все его услышали:

— O otinao cor valirate, prechan compano — силы земные и дыхание всевышнего, создавшего все, да процветет естество твоего величия, дабы в течение тысячи лет сандалиии твои являлись волосами всех королей и ты костями и плотью своею уподобился великому властелину серебряных гор, по повелению и от имени которого прибыл я посетить тебя, как ты можешь удостоверить, взглянув на его ханскую печать.

Король с радостным выражением лица посмотрел на посла и ответил:

— Да принесет солнце сладостным теплом своих лучей согласие желаний повелителя твоего и моих, дабы дружба наша продолжалась до последнего всплеска моря и господь, даровавший мир нашим двум народам, был восславлен вовеки.

На что все вельможи, находившиеся в зале, ответили:

— Да дарует нам это тот, кто порождает и день и ночь.

После чего женщины снова взялись за инструменты, а король, поднявшись со своего места и собираясь удалиться в свои покои, произнес:

— Я прочту письмо брата своего Шинарау и отвечу на него так, чтобы ты был доволен и радостным от меня уехал.

Посол, ничего не говоря, снова простерся перед королем и трижды положил голову на ступень, на которой он перед этим стоял. Между тем начальник дворцовой охраны взял его за руку и отвел в дом, где он прожил тринадцать дней, вплоть до того времени, когда король уехал в Узанге.

Комментарии

202. *Айтау.*— Так Пинто называет всех китайских морских военачальников и портовых чиновников, ведавших морской торговлей.

203. *...члены братства...*— по-видимому, буддийские монахи, хотя функции их искажены Пинто очень сильно.

204. *Танигоры* — слово из португальского восточного жаргона. Смысл его вполне определенный — руководители буддийских монастырей и организаций.

205. *...сवेशивался... щит с гербом на серебряной цепи...*— Выдуманная деталь, дома богатых китайцев не украшались подобными символами, да и само понятие герба чуждо китайской цивилизации.

206. *Финжинилау.*— Здесь, как и ранее, Пинто выработал стандарт для записи китайских топонимов, а именно — окончание «нилау», возможно, имевшее прототип в южно-китайских диалектах.

207. *Пагода.*— Пинто здесь, как и в других местах, посвященных Китаю, много говорит о буддийских храмах и почти ничего о конфуцианских. Объясняется это тем, что он мало бывал в городах, а в деревнях конфуцианские храмы были редки.

208. *Шумбин* — искаж. «цзун-бин» — командир провинциальных войск. В описываемые десятилетия такие командиры были основной властью на юге Китая. Они, как и гражданские чиновники, могли выполнять судебные функции, так как в Китае судебная власть не была так четко отделена от администрации, как в Португалии.

209. *...верховный суд... имеет власть даже над самим государем...*— Такого органа в Китае не было, сведения Пинто неверны.

210. *...ничто на свете не может заставить их (менигрепо) хоть в малейшей степени изменить решение...*— Пинто рассказывает по-видимому, о цензурате (дучаюань); в обязанность цензора входило сообщать правду, какова бы она ни была, Государственному совету и императору.

211. *...уроженец города Хикеженс в Московии...*— Пинто дважды упоминает о Русском государстве, но его сведения о нем весьма расплывчаты. Возможно, что Пинто имеет в виду город Астрахань, который монголы называли Гитарканом.

212. *Батанпинский айтау.*— Батанпица — река Янцзы. Айтау — здесь, возможно, «цзунду» (командующий войсками); функций, подобных описанным Пинто, не имел ни один крупный китайский чиновник в XVI в.

213. *Три королевства: Лиампо, Фанжус и Сумбор...*— Наблюдая слабую зависимость южных провинций Китая от центральной власти, Пинто считал их отдельными королевствами. Фанжус — видимо, Фучжоу в провинции Фуцзянь.

214. *Коншаси* — видимо, «тинчаши», чиновники ведомства юстиции.

215. *Коншали* — видимо, «тиншили», чиновники, разбиравшие судебные дела.

216. *...по большой реке.*— Имеется в виду река Сицзян.

217. *Манакилеу* — современный город Монкай во Вьетнаме.

218. *Конхайские горы* — видимо, горный массив к востоку от города Ланг-шона в Северном Вьетнаме.

219. *Тинокоухи* — лаосцы из государства Лансанг в современном Лаосе.

220. *Фанаугрен* — современная провинция Фук-иен, древняя провинция Фаунгтяу, к северо-западу от Ханоя.

221. *Узанге* — город Тханг-лаунг, современный Ханой.

222. *...немедленно сожгла себя...*— Обычай саможжения вдов проник во Вьетнам из Индии и изредка еще практиковался в XVI в.

223. *...может заказать ее серебряное изваяние...*— В средневековом Вьетнаме ставились статуи людей, прославившихся «святыми» делами.

224. *...о приеме, оказанном... татарскому послу...*— Дипломатические контакты монгольских («татарских») ханов и вьетнамского двора на столь высоком уровне не зафиксированы в источниках.

225. Прешау Гимиан...— По всей вероятности, Пинто имеет в виду номинального короля Вьетнама Ле Чанг Тонга (1533—1548), а не фактического правителя Вьетнама в 40-х годах Чинь Киема (1539—1569).

(пер. И. Лихачева)

Текст воспроизведен по изданию: Фернан Мендес Пинто. Странствия. М. Художественная литература. 1972

© текст - Лихачев И. 1972

© сетевая версия - Thietmar. 2007

© OCR - Ингвар. 2007

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Художественная литература. 1972

Мы приносим свою благодарность
Олегу Лицкевичу за помощь в получении текста.